

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Помню, как лицо выступает из мрака комнаты, и приглушенный свет торшера кажется бледным пятном. Склонившись, Андрей рассматривает лежащий на коленях рисунок, проводя пальцем по четким, выверенным линиям, наслаждаясь гармонией цвета и формы.

— Иди сюда!

Мои руки в муке — пытаюсь соорудить что-то съедобное на кухне. Я нахожусь там последние два часа и считаю это место весьма скучным. Я — обычная женщина, которой не очень повезло с мужем. Впрочем, я никому (даже себе) в этом до конца не признаюсь... Меня зовут Татьяна Каюнова (по мужу), и, хоть я ношу его фамилию, отличаюсь весьма критическим взглядом на собственную семейную жизнь.

— Посмотри на этот рисунок.

Я отряхиваю руки и спрашиваю:

— Твой? — Хотя сама прекрасно вижу — для него рисунок слишком хорош. Но я не могу так не спросить.

— Разумеется, нет! Нравится?

— Не знаю... Какая-то чушь... Кто автор?

— Рисунок мальчика из моего класса.

— И сколько лет мальчику? Тридцать?

— Девять. Ему действительно девять лет. Зовут Дима Морозов. Ребенок из неблагополучной семьи. Отца нет, мать — вечно пьяная шлюха, из самых дешевых. Скорее всего, ребенок вырастет — и тоже станет таким, как они. Он потрясающе талантлив. Если б ему повезло родиться в богатой семье, из него бы сделали вундеркинда. Возили бы по заграницам, увешивали бы призами конкурсов... А так... Так он шляется по подворотням, сигареты переводит пачками и первый раз покурить траву попробовал

лет в шесть. Смешно, да? Того, чем одарен этот мальчик в девятилетнем возрасте, многие не могут добиться даже к сорока годам. Но для всех это очередной злобный зверек, выросший на помойке и скалящий острые зубы. Да он и со мной себя так ведет иногда. Хотя я, пожалуй, все-таки единственный человек, которому он доверяет.

— И что ты собираешься делать?

— Уже сделал. Выставил его рисунки в «Инстаграме» и «Фейсбуке». Ты себе не представляешь количество лайков и подписчиков! Народу нравится. Никто не верит, что ему 9 лет. Знаешь, я его очень люблю. Вот чуть погодя выставлю рисунки в галерее, мне плевать на коммерцию. У него должно быть будущее. А дальше — увидим. Надеюсь, я не дам ему пропасть.

— Этот рисунок возьмешь?

— Я его уже взял. Остальные — на таком же уровне. Нет, ты только посмотри на эту линию, ведь она...

Помню, как из темноты выступало лицо, в приглушенном свете торшера казавшееся совсем бледным. Голова болела ужасно, и я встала с кровати, чтобы принять таблетку, а потом вновь свернулась клубочком на простынях, еще хранящих тепло моего тела. Накрылась одеялом до подбородка, и внезапно мне захотелось стать как можно меньше, превратиться в ребенка, за которого отвечают другие, чтобы полностью избавиться от чего-то очень страшного, черной тенью нависающего надо мной. Захотелось лежать так — в спокойствии, тепле и уюте — всю жизнь, в этой полутемной комнате, и не подниматься больше, не становиться собой, не слышать, не видеть, не чувствовать. На душе было так гадко, что еще немного — и я заскулила бы, как потерявшийся щенок, который ищет, но не может найти бросивших его хозяев.

Звонок мобильного прорезал окружавшую меня тишину.

— Привет. Ну, мадам, я вас вчера видел — об-балдеть можно! Ты была похожа на чудо природы. Естественно, когда ты без супруга. Вот почему твоему мужу так повезло, скажи, а?

— Не болтай чушь!

Это был Димка с моего «Городского телеканала».

— Я тебя разбудил?

— Нет.

— Поздравляю — после передачи Филипп рвет и мечет!

— Передай, что ему вредно смотреть телевизор. Кто вообще сейчас смотрит телевизор? Твой Филипп — динозавр!

— Он тебя ревнует — во-первых.

— Дима, ты глуп.

— А во-вторых, он желает видеть тебя в пятичасовом выпуске.

— Зачем?

— Для тебя кое-что есть. Ты, вообще, в интернет заглядывала сегодня?

— Пока нет. Что именно произошло?

— Так посмотри, чайник!

— Из какой области?

— Из криминальной, разумеется.

— Терпеть не могу детективы...

— Это не детектив. Так что передать Филиппу?

— Я приеду.

— Ну, тогда пока.

— Давай.

Я включила смартфон и открыла сайт новостей. Эта страшная новость была первой. Стала читать, не веря своим глазам...

Когда в комнату ворвался Димка, поток раскаленного июльского воздуха ударил по ногам.

— Ага, пришла — прекрасно. Так, значит, ввожу в курс дела. Смотри. Это — свежие фотки, прислали из полиции. С условием только в эфире показать, но не размещать в соцсетях. Прикинь, ни у кого еще их нет, ни на одном сайте! А у нас — есть.

Я взяла из рук Димки айфон и стала листать фотографии — одну за другой. В первую минуту не могла понять, что на них изображено, потом приступ тошноты тисками сжал горло. Столько крови я не видела никогда... Мне стало казаться, что кровь была там повсюду — на стенах, на потолке, на решетке крошечного окна (которое было прилеплено почти под потолком), не говоря уже о том, что творилось на полу... Сплошной кровавой поток! Одна из фотографий изображала обезображенный череп,

на других — то, что осталось от туловища. Положив козырный айфон Димки экраном вниз, схватилась одной рукой за горло, другой перекрыла рот.

— Девятилетний мальчик Дима Морозов, — как ни в чем не бывало начал Димка давать вводную. — Нашли его 26 июля днем, то есть вчера. Еще до начала вашей презентации. По заключению экспертизы, был убит 26-го утром. Когда было найдено тело (вернее, то, что от него осталось), оно было еще теплым, оказалось в подвале дома по улице Перевальной. Один из жильцов вышел погулять с собакой во двор, и собака стала вести себя странно. Дверь в подвал была приоткрыта, жилец спустился вниз и увидел все это... Вызвал полицию. Полиция считает, что это сделал маньяк, и вид у них жутко довольный, потому что они уже знают, чья это работа. Но молчат, так как главный подозреваемый еще не арестован. Даже не говорят, кто предполагаемый убийца, не называют никаких имен. Сказали только, что это маньяк, и ничего больше. Представляешь, ребенка изнасиловали, а потом так зверски убили... все тело изуродовали... Орудия убийства не найдены, но предполагается, что это были строительные клещи и топор. Ты бы видела... Впрочем, избавлю от жутких подробностей. Их сообщать ни к чему. Кстати, опознал ребенка твой муж.

— Андрей?! — уставила я на него ошарашенные глаза.

— Да. Его галерея находится где-то рядом, кажется, дома за два или три... Полиция подъехала, собралась толпа. Он пробился туда и увидел... Опознав, поехал в полицию, где зафиксировали протокол опознания. Ведь ребенок занимался в классе, где преподавал твой муж.

Я почувствовала, как на меня опускается темнота и мелкая противная дрожь охватывает все тело.

— Таня, тебе плохо? — метнулся ко мне Дима, заметив мое состояние. — Что...

Я выдавила:

— Как, ты сказал, его имя?

— Дима Морозов. Девять лет, пятый класс, школа 237. Рисование и черчение у них преподавал твой муж.

— Дай воды.

Ледяная вода помогла мне взять себя в руки, только было отчетливо слышно, как зубы стучат о стеклянные грани стакана.

За три минуты перед началом эфира Филипп Евгеньевич давал мне последние инструкции, но слова его растворялись где-то в области потолка и пролетали мимо моих ушей. Этот эфир был самым страшным испытанием в моей жизни. Значит, Андрей все знал... Во время презентации и потом, ночью. Даже этим утром. Но не сказал мне ни слова. Боялся меня расстроить? Или произнести вслух, вспомнить об этом кошмаре еще раз? Видимо, он был твердо уверен, что полиция не сольет информацию в Интернет, что в сетях не появится ни слова... Почему?

Я переживала, что не смогу закончить, но все прошло хорошо. Последним сюжетом в эфире всегда стояла криминальная хроника.

26 июля, в 14 часов 50 минут, гражданин В. прогуливался со своей собакой во дворе по улице Перевальной. Вдруг животное стало беспокоиться и тянуть хозяина в подвал, дверь которого оказалась приоткрыта. Мужчина спустился вниз и нашел в подвале обезображенный труп ребенка со следами сексуального насилия. Немедленно вызвал полицию. Следственная группа прокуратуры определила имя пострадавшего и время преступления. Девятилетний учащийся пятого класса школы 237 Дима Морозов был убит около одиннадцати утра 26 июля в подвале дома по Перевальной. По предположению экспертизы, орудиями преступления, которые еще не найдены, послужили обычные строительные клещи и топор. Имя главного подозреваемого пока держится в тайне. Нам остается лишь надеяться, что преступник будет обезврежен и этот маньяк, грязный подонок, животное, не имеющее права называться человеком, никому больше не причинит вреда...

Я возвращалась из студии домой. Не знаю, с чего это началось, я была слишком погружена в собственные мысли и вела машину почти не глядя. Кажется, я прозевала зеленый свет и слишком резко затормозила у перекрестка. Резина колес отвратительно завизжала, водитель грузовика, затормозившего рядом, высунулся из окна, чтобы покрутить у виска и усмехнуться. И тогда я увидела эту машину. Я вдруг поняла, что она едет за мной уже довольно долго — может быть, от самой студии. Наверное, сознание

автоматически фиксирует мелочи, выпадающие из привычной схемы действий. Это была красная «ауди», довольно новая, с городскими номерными знаками и женщиной за рулем. Именно тогда, резко затормозив, я разглядела в зеркало женский силуэт, но было слишком далеко, чтобы я могла запомнить лицо более подробно. На светофоре вновь зажегся зеленый, и я поехала гораздо медленнее, чем прежде. Потом свернула в какой-то переулок, где совсем не было автомобилей. Красная «ауди» следовала за мной как привязанная. Я вновь почувствовала себя плохо. Руки вспотели, руль стал скользким и влажным. Пряди мокрых волос прилипли ко лбу. Я стала петлять по городу, лихорадочно соображая, что следует делать дальше. К счастью, я заправилась перед поездкой на работу, так что бензина должно было хватить.

Неизвестное авто было достаточно далеко, чтобы я могла запомнить его номер. Только один раз (там, на повороте) мне удалось мельком его увидеть. Наверное, ничто не воспринимается человеком так остро и трагично, как потеря свободы. Стараясь не нервничать, я, чтобы избавиться от слезки, принялась выбирать наиболее запруженные машинами улицы и перекрестки. Все продолжалось более часа, хотя еще в студии я решила, что для разговора с Андреем мне следовало бы пораньше вернуться домой. Почему же я не поехала домой сразу? Начитавшись шпионских романов, не хотела привести за собой «хвост»? Но ведь я не делала ничего, чтобы вызвать с чьей-либо стороны подобную слежку. Не имела никаких дел с мафией (правда, насчет Андрея я не была столь уверена). Скорее всего, я не поехала домой потому, что во мне проснулся некий охотничий азарт, который не позволял струсить и капитулировать сразу. Словом, просто захотелось поиграть в прятки. Сознаюсь — это была дурость.

В очередной раз выехав на центральный проспект, я снова посмотрела в зеркало заднего вида: красная «ауди» свернула в один из многочисленных переулков и пропала из виду. Путь домой был наконец свободен.

Подъехав к подъезду и остановившись, я все еще продолжала испытывать легкий шок.

Накануне, ночью 27 июля, я, конечно же, ничего не могла знать. Но уже на рассвете, задыхаясь от привидевшегося ночного кош-

мара, точно знала — что-то должно произойти. Все изменилось в какую-то долю секунды — страшно и непоправимо. Не осталось и следа от ночи настоящего счастья — словно рассвет навсегда унес последние счастливые секунды. Нестерпимо раскалывалась голова — я вспоминала ночной кошмар, думая, не схожу ли я с ума.

...Тяжесть пригибает меня к земле. Так бывает, когда задыхаешься и нехватка кислорода в крови вызывает ощущение тоски и тревоги. Тело содрогается от физической боли в суставах, и нет ничего, кроме страшной неопределенности в душе. Тяжесть давит сверху, словно кто-то бросил на меня чугунную плиту. В темноте поплыли радужные круги — я хочу закричать, но не могу. Наверное, лежа в постели, я просто открывала рот, как выброшенная на песок рыба. И сквозь это безумие услышала крик...

Только не мой, а мужа. Открыв глаза, я подскочила на кровати и повернулась к Андрею. И тогда меня затрясло... Ему тоже снился кошмар. Лицо в тусклом свете раннего утра казалось искаженным какой-то чудовищной судорогой и застывало жуткой маской прямо на моих глазах. Я никогда не видела Андрея таким... Какая-то дьявольская гримаса. Что же это, господи?... Я сама чуть не закричала. Мне казалось, что лицо самого дьявола уставилось на меня. На его лбу выступила испарина — и через несколько секунд по всему телу пробежала судорога. Выражение лица сразу стало испуганным, беззащитным. А потом он без сил весь обмяк и сказал ясно и отчетливо: «Нет».

Я легонько толкнула его в плечо. Он был так напуган, что некоторое время просто не мог прийти в себя. Я обняла его и принялась уговаривать:

— Все хорошо, это был сон, только сон, успокойся... Все уже прошло, все хорошо.

Наконец он остановил на мне вполне ясный взгляд.

— Господи, что это было?

— Просто ночной кошмар. Но он уже прошел, дальше все будет хорошо.

Муж посмотрел на меня свинцовым взглядом (так, как никогда не смотрел прежде), и я снова ощутила странную тяжесть, придавившую меня к земле в моем сне. От воспоминаний об этом кошмаре я снова чуть не стала хватать ртом воздух...

Тогда он отчетливо проговорил:

— Это был не сон.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась я.

— Скажи, что все хорошо... — словно не услышав, повернулся он ко мне с мольбой в глазах. — Скажи, что все уже закончилось!

— Да, все хорошо. Все прошло. Не стоит переживать.

Андрей встал с кровати и начал одеваться.

— Куда ты уходишь?

Но он будто не расслышал моих слов.

Сразу начала болеть голова — все изменилось за какую-то долю секунды. Изменилось непоправимо и страшно. Что-то должно произойти.

Андрей оделся и ушел. Оставив свой мобильный на тумбочке возле кровати.

ГЛАВА 2

Сайт «ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЫ», 28 июля.

...мы неоднократно сообщали об альтернативном «Городском канале». Одно из крупных изданий охарактеризовало его как отсталый, но именно на этом канале самые обыкновенные новости могут превратиться в сенсацию. Согласно социологическим опросам, среди нашего населения 98% граждан считают работу правоохранительных органов неудовлетворительной, а 74% (более половины) не чувствуют себя в безопасности даже в собственной квартире. В ближайшие дни общественное внимание будет приковано к работе полиции куда сильнее, чем обычно. Город желает получить ответ на вопрос — кто убил девятилетнего Диму Морозова? И действительно ли здесь, рядом с нами, появился маньяк, как сообщила в выпуске новостей «Городского канала» ведущая Татьяна Каюнова? Кстати, выпуск новостей, который вела Каюнова, вызвал резонанс в обществе благодаря эмоциональности, с которой диктор сообщила в эфире о зверском убийстве. Манера Каюновой, которую многие специалисты вначале называли полным отрицанием общепринятых диктор-